

О.Г. БОРИСОВА, Л.Ю. КОСТИНА
(Краснодар)

**ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ
БАЗА ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ
КУБАНСКИХ ГОВОРОВ:
УСТОЙЧИВОСТЬ
И ИЗМЕНЧИВОСТЬ ОСНОВНЫХ
ПАРАМЕТРОВ***

Рассматриваются основные параметры формирования экстралингвистической базы изучения современных кубанских говоров. Обосновывается необходимость лингвогеографического зонирования территории распространения кубанского диалекта с целью оптимизации его исследования.

Ключевые слова: кубанский диалект, лингвогеографическая зона, экстралингвистическая база изучения говоров, критерии отбора информантов.

Изучение лексико-фразеологического пространства современных кубанских говоров предполагает обращение к экстралингвистическим сведениям, которые предоставляют смежные с диалектологией науки – география, история, этнография, социология. В этой связи считаем целесообразным обобщить данные указанных дисциплин, что позволит сформировать экстралингвистическую базу исследования и, опираясь на нее, прояснить ряд важных вопросов, касающихся условий формирования и современного бытования кубанского диалекта.

Ареал современных говоров Кубани – территория Краснодарского края, субъекта Российской Федерации на юге России, в юго-западной части Северного Кавказа, входящего в состав Южного федерального округа. Климат на большей части территории умеренно континентальный, на Черноморском побережье от Анапы до Туапсе – полусухой средиземноморский, южнее Туапсе – влажный субтропический. В течение года типичны резкие изменения погоды. Часть территории края (до горных хребтов и Черноморского побережья южнее Анапы) занята степями. Важное место среди природных богатств Кубани занимает лес, общая площадь которого составляет свыше 1,8 млн га. Рекой Кубань край разделен на северную степную правобережную и юж-

ную возвышенную левобережную части. Занимает территорию 75,6 тыс. км², или 0,4 % всей территории России.

Административно Краснодарский край делится на 37 районов. По этноареальному признаку их можно распределить по двум группам. В Тихорецком, Новопокровском, Белоглинском, Курганинском, Лабинском, Усть-Лабинском, Тбилисском, Кавказском, Белореченском, Апшеронском, Мостовском, Гулькевичском, Новокубанском, Успенском, Отраденском районах преобладают носители кубанских говоров с южнорусской языковой основой. В Абинском, Выселковском, Северском, Павловском, Брюховецком, Приморско-Ахтарском, Тимашевском, Калининском, Ейском, Щербиновском, Староминском, Кущевском, Ленинградском, Каневском, Крыловском, Темрюкском Крымском, Кореновском, Динском, Красноармейском, Славянском – носители говоров с украинской языковой основой. Ряд сельских населенных пунктов края входит в состав городских муниципальных образований, центрами которых являются г. Краснодар, г. Новороссийск, г. Горячий Ключ, г. Армавир, г. курорты Анапа, Геленджик, Сочи. Особняком стоит Туапсинский район (г. Туапсе). Украинскую основу имеют говоры населенных пунктов, относящихся к таким городам, как Краснодар, Анапа, Горячий Ключ, Новороссийск, южнорусскую – к Армавиру. Следует признать, что подобное разделение обладает определенной степенью условности, поскольку во многих районах (например, Тихорецком, Белоглинском, Приморско-Ахтарском, Щербиновском) в соседних населенных пунктах и даже в пределах одного населенного пункта возможно сосуществование говоров с украинской и южнорусской языковой основой.

При планировании диалектологических экспедиций необходим последовательный подход к выбору не только населенных пунктов, но и районов. В этой связи перспективным, на наш взгляд, является объединение районов края в лингвогеографические зоны на основании общности географического положения и привязки к знаковому для данной местности географическому объекту. Такой подход позволит исследовать языковые факты на уровне микро- и макросистем и максимально полно выявить специфику диалектного ландшафта Краснодарского края, во многом обусловленную не только историей заселения, но и особенностями географического положе-

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-14-23001.

ния, природными факторами, родом занятий жителей. С учетом административного районирования и географии мы выделили 10 лингвогеографических зон.

Кубанское Приазовье. Зона северо-запада Краснодарского края на берегах Темрюкского и Таганрогского заливов Азовского моря и Таманского залива Черного моря. Рельеф местности равнинный, безлесный; значительную площадь занимают лиманы и плавни. Включает в себя Ейский, Приморско-Ахтарский, Славянский, Темрюкский, Щербиновский районы.

Северная степная зона. Расположена в северной части Азово-Кубанской низменности, степной ландшафт изрезан долинами степных рек, сетью балок, лощин. Включает Крыловской, Кушевский, Ленинградский, Староминский районы. Граничит с Ростовской областью и Ставропольским краем.

Восточно-северная степная зона. Расположена на Азово-Кубанской равнине. Поверхность изрезана степными балками, долинами рек Челбас, Ея, Тихонькая, Борисовка. Включает Белоглинский, Кавказский, Новопокровский, Тбилисский, Тихорецкий районы. Граничит с Ростовской областью и Ставропольским краем.

Степная зона. Расположена в центральной и западной части Краснодарского края. Рельеф: равнина, изрезанная многочисленными балками и степными реками. Включает Брюховецкий, Выселковский, Калининский, Каневский, Кореновский, Павловский, Тимашевский районы.

Центральная зона. Зона, примыкающая к краевому центру. Расположена на Азово-Кубанской низменности. Включает г. Краснодар, Динской, Красноармейский, Усть-Лабинский районы.

Кубанское Причерноморье. Зона занимает побережье Черного моря. На ее территории расположен Хребет Большого Кавказа. Включает муниципальные образования г.-курорты Анапа, Геленджик, г. Новороссийск, г. Сочи, а также Туапсинский район, из которых в диалектологическом плане интерес представляют сельские населенные пункты, примыкающие к Анапе и Новороссийску, поскольку жители Туапсинского района, Большого Сочи и Геленджика, как правило, считают себя не кубанцами, а россиянами.

Горно-предгорная западная зона. Зона запада Краснодарского края. Рельеф: равнина, предгорная равнина и предгорье, переходящее

в горный массив, покрытый лесом. Включает Абинский, Крымский, Северский районы.

Горно-предгорная восточная зона. Зона на юге Краснодарского края. Территория гористая или холмистая, с большими массивами леса. Включает муниципальное образование г. Горячий Ключ, Апшеронский, Белореченский районы.

Степное Закубанье. Зона на юге и юго-востоке Краснодарского края. Рельеф: степная равнина, изрезанная речными и балочными долинами. Включает муниципальное образование г. Армавир, Гулькевический, Курганский, Новокубанский, Успенский районы. Граничит со Ставропольским краем.

Кубанское Предгорье. Зона юго-востока Краснодарского края. Включает в себя Лабинский район (рельеф – предгорья и наклонная Закубанская равнина, изрезанная долина рек Лабы, Синюхи, Чамлыка и Фарса), Мостовской район, на юге которого расположен главный Кавказский хребет, и Отрадненский район (рельеф гористый, холмистый, значительная часть территории равнинная (пойма реки Уруп и возвышенное плато, где находится с. Благодарное)). Граничит со Ставропольским краем, Карачаево-Черкесией и Абхазией.

На сегодняшний день фронтально обследована зона Кубанское Приазовье, где в течение нескольких лет (2005 – 2007, 2009, 2010, 2012 гг.) проводились полевые исследования, в результате которых были выявлены степень сохранности говоров данной зоны, их гетерогенность, общее и специфичное в лексико-фразеологических системах. Нарботанный опыт позволяет применить его для описания и других обозначенных лингвогеографических зон края. Диалектологическая экспедиция в Лабинский район (2013 г.) положила начало исследованию говоров Кубанского Предгорья. Дальнейшее последовательное изучение лексико-фразеологического пространства Краснодарского края по лингвогеографическим зонам позволит максимально полно представить диалектный ландшафт Кубани.

Важным фактором, влияющим на языковую ситуацию в регионе, является численное соотношение городского и сельского населения. Краснодарский край занимает 3-е место среди регионов Российской Федерации по числу жителей – после Москвы и Московской области. При этом уровень урбанизации ниже, чем в среднем по стране. Юг по праву считается одним из самых «сельских» регионов России. В 1959 г. доля крестьян составляла на Кубани 61% при общероссийском пока-

зателе 48%. На 1 января 1996 г. доля сельского населения в Краснодарском крае снизилась до 45,8 % [12]. Между тем сельские жители продолжают составлять значительную часть населения края, что, безусловно, в определенной степени способствует торможению процесса нивелирования диалекта, который в современных условиях в сельской местности продолжает выполнять коммуникативную и экспрессивную функции. Следует подчеркнуть, что многие районные города края получили данный статус относительно недавно. До революции статус города имели Ейск (с 1848 г.) и Темрюк (с 1860 г.). Таким образом, урбанизация в крае происходила в советское время на памяти нынешнего поколения. До сих пор местные жители продолжают воспринимать многие города районного значения как станицы, что наиболее наглядно проявляется в употреблении их прежних названий: *Абинская, Кореновка, Лабинская, Тимашовка, Усть-Лаба* и др. Во всех районных центрах, в том числе Ейске и Темрюке, и в настоящее время проживают носители кубанских говоров, что, безусловно, вносит в языковую ситуацию этих городов диалектную составляющую.

Степень сохранности диалектных форм речи во многом зависит от отношения к ним носителей говоров. Диалектологи справедливо отмечают, что оценка диалекта в общественном сознании является существенным компонентом языковой ситуации в ее синхронии. Результаты эксперимента, проведенного среди жителей трех городов – Курска, Кирова и Перми – с целью выявления оценки местных диалектов, показали, что севернорусские говоры испытуемыми были оценены как неприемлемые, далекие от стандарта, южнорусские же, напротив, как близкие к нему (ср. : [6, с. 111]). Что касается современной языковой ситуации на Кубани, то ее изучение подтверждает, что жители края воспринимают себя как особую общность людей, называя себя не только россиянами, но и «кубанцами», для которых Краснодарский край – *Кубань-матир* (ср. : для жителей Дона – *Дон-батюшка*). По мнению специалиста по исторической психологии В. Шкуратова, из всех районов российской периферии Юг проявляет наибольшую склонность «быть не как другие» [15, с. 42]. Это повышенное стремление к региональной идентичности, так называемая «южность», отмечается практически всеми отечественными историками (П. Ковалевский, Ф. Щербина, В. Колосов, П. Яковенко, С. Суций и др.). Региональная идентификация особенно отчетли-

во проявляется на бытовом уровне в противопоставлении себя жителям Центральной России, которых на Кубани иронично и презрительно называют «кацапами» и «москалями». Отметим, что жители таких приморских городов, как Сочи, Туапсе, Геленджик, напротив, в массе своей не ассоциируют себя с кубанцами, считая себя россиянами. От них часто можно услышать такие фразы: «Приехали родственники с Кубани», «Это у вас на Кубани, а у нас на побережье...».

Хотя региональное самосознание характерно для идентификации населения края в целом, ядро носителей регионального самосознания составляет кубанское казачество, которому, как отмечают историки, присуще особое восприятие пространства и времени. Для кубанских казаков оппозиция «свое» – «чужое» пространство находит яркое выражение в таких понятиях, как «войсковая территория», «земля Кубанского казачьего войска», «граница», «чужая земля» [10, с. 105]. Восприятие времени казаками в конце XVIII – начале XX в. подчинялось двум основным моделям: циклической (мифологической) и линейной (исторической) [Там же, с. 128]. Следует признать, что время на Юге России, действительно, течет более медленно, циклично, что, вероятно, связано с сезонным характером труда, природными условиями, типом поселений. Аграрные районы значительно медленнее усваивают какие бы то ни было новые социальные идеи и отдают предпочтение испробованным и усвоенным [12]. Подобный консерватизм естественным образом влияет и на языковую ситуацию в регионе.

Язык, местный диалект, который здесь называют «казачьим языком», «кубанским языком», является релевантным признаком региональной идентичности. Для многих жителей Краснодарского края кубанский диалект представляет собой базовую ценность, владение им является не только естественным, но и престижным, доказывает принадлежность к данному языковому сообществу. В кубанских станицах действует своеобразная «языковая мода», суть которой состоит в умении свободно переходить с разговорной речи на диалектную и обратно в зависимости от изменения модуса коммуникации. Такое языковое поведение имеет положительный имидж и оценивается как близкое к стандарту.

Назовем и другие экстралингвистические факторы, способствующие относительной устойчивости диалекта в регионе. Так, доля населения старше трудоспособного воз-

раста на Юге России выше в среднем на 2%, чем по стране в целом. Кроме того, по уровню образования (учитывается процент занятого населения, имеющего высшее и среднее профессиональное образование) Краснодарский край имеет показатель 46,4%, что значительно ниже, чем по стране в целом [5].

Большинство современного населения края – это русские, украинцы и белорусы. Славяне имеют давние исторические связи с Кубанью. В X – XI вв. на Тамани существовало древнерусское Тмутараканское княжество, но предки нынешнего славянского населения появлялись здесь после длительного перерыва – в XVIII в. В 1710 г. на Кубань с семьями ушли, спасаясь от правительственных войск, некрасовские казаки (10 тыс. чел.) – выходцы с Дона, старообрядцы-поповцы, участники антифеодального восстания Кондрата Булавина, которых возглавил атаман станицы Есауловской Донского казачьего войска Игнат Некрасов. Однако уже с 1740 г. некрасовцы переселяются общинами в район Добруджи и в Малую Азию, на территорию Османской империи. После Первой мировой войны значительная часть некрасовцев группами возвратилась в Россию. Большинство обосновалось в Ставрополе, а две группы – в Приморско-Ахтарском (хут. Новопокровский и Новонекрасовский) и Ейском (с. Воронцовка) районах Краснодарского края. Длительное пребывание вне России, иноэтничное окружение способствовали, с одной стороны, появлению в культуре некрасовцев инноваций, заимствований из турецкой, болгарской и румынской культур, а с другой – сохранению древних элементов в обычаях, обрядах, фольклоре и языке. Исследователи отмечают, что после переезда в Россию в новых социально-экономических условиях произошло разрушение замкнутости общин староверов, началась демократизация патриархальных семейных отношений, зародился процесс отхода от религии [14, с. 22]. В кандидатской диссертации «Лексика говора казаков-некрасовцев (исследование и словарь)» (1969 г.) О.К. Сердюковой удалось достаточно полно охарактеризовать этот уникальный идиом, представляющий собой южнорусский донской говор, в течение двух с половиной веков находившийся в изоляции от русского языка и его говоров. Информантами в подавляющем большинстве были жители Ставрополя (148 чел.) и только 47 диалектоносителей, поселившихся в Краснодарском крае. Кубанские лингвисты говор местных казаков-некрасовцев изучили лишь

фрагментарно: в хуторах Новопокровском и Новонекрасовском были проведены три экспедиции (1978, 1979, 2009 гг.). Сведения, собранные нами в ходе экспедиции 2009 г., показали, что говор староверов в начале XXI в. в его архаическом виде сохранился лишь у переселенцев, которых осталось очень мало. Их потомки, родившиеся уже в России, практически утратили диалект своих предков и пользуются в общении русским литературным языком, являясь своеобразными «хранителями» языка своих родителей. Анализ лексико-фразеологического состава диалекта демонстрирует, что в нем, наряду со специфическими лексическими единицами, появление которых обусловлено иноязычным влиянием, функционирует и большое количество диалектизмов, входящих в так называемый общекубанский лексико-фразеологический пласт, и этот факт позволяет положительно решать вопрос о правомерности рассмотрения говора староверов в составе кубанского диалекта.

Между тем основу диалектного ландшафта Кубани, безусловно, составляют говоры «старожильческого» населения края – казачества и той части восточнославянского населения, которая не входила в прошлом в казачье сословие. Ученые выдвигают различные теории о происхождении казачества (об основных из них см. : [11, с. 107–110]). Историки выделяют несколько этапов колонизации Кубани казачеством и крестьянами из украинских и южнорусских губерний. Первый этап охватывает следующие временные рамки: примерно с 1792 – 1794 гг. по 1840-е гг. В данный период складывались украинская и русская этнографические группы в рамках Черноморского и Кавказского казачьих войск. Второй этап (примерно с 1840-х по 1860-е гг.) – время заселения Новой линии, освоения Закубанья, появления чересполосных и смешанных, русско-украинских поселений, что расширило сферу контактов и возможности для взаимодействия различных традиций. Третий этап начался с 1860-х гг. Это период окончания военных действий на Кавказе, интенсивного развития экономической жизни и образования Кубанского казачьего войска, включавшего в себя Черноморское казачье войско и шесть бригад Кавказского линейного казачьего войска [3, с. 55–56].

Взаимодействие украинской и южнорусской этнографических групп – черноморского и линейного казачества, а также образование в 1860 г. Кубанской области и Кубанского казачьего войска привели к возникно-

вению особого *субэтноса* – кубанского казачества, чему, как отмечают историки, способствовал ряд причин: новые географические условия, окраинное положение, двуединое русско-украинское начало; относительная социально-политическая автономия, выражающаяся в наличии общинно-войсковой организации, самоуправления, войсковой земли, а также впоследствии и сословная замкнутость (с определенного времени прием в казаки был ограничен и затем прекращен). В послереволюционные годы казачество утратило ряд важных признаков субэтноса, превратившись в этнографическую группу русского народа [2, с. 140].

В процессе складывания субэтноса происходит одновременно и формирование его культуры. В основе традиционно-бытовой культуры кубанского казачества лежат метропольные традиции, т.е. локальные варианты русской и украинской культур, откуда происходило заселение Кубани: запорожской, донской, воронежской, курской, тамбовской, харьковской, полтавской и др. В новых природных и этносоциальных условиях эти традиции трансформировались, приобрели новые элементы. Итогом произошедших изменений стал оригинальный локальный вариант традиционно-бытовой культуры кубанского казачества, занимающий во многом промежуточное положение между южнорусской и украинской традициями. Традиционно-бытовая культура кубанского казачества получила обстоятельное освещение в многочисленных исследованиях краеведов, этнографов, музыковедов, культурологов (см. работы Н.И. Бондаря, О.В. Матвеева, Б.Е. Фролова, М.В. Семенцова, Н.А. Гангур, В.И. Чурсиной, С.А. Жигановой и др.).

Относительно неказачьей части «старожильческого» восточнославянского населения края – так называемых иногородних – исследователи признают, что их культурные традиции описаны лишь фрагментарно. Между тем имеющиеся данные позволяют признать, что иногородние адаптировались к казачьей культуре и после отмены сословного деления вошли в этнографическую группу казачества [2, с. 146]. Что касается русских, украинских и белорусских переселенцев 20–50-х гг. XX в., то, по мнению профессора Н.И. Бондаря, в настоящее время преждевременно говорить о какой-либо однородной этнокультурной общности. Однако, по наблюдениям этнографа, уже во втором поколении мигранты почти полностью утрачивают метропольные традиции и усваивают местные [Там же, с. 147].

Кроме славянских народов, в Краснодарском крае проживают и представители других национальностей. В этническом отношении, как показывают данные Всероссийской переписи населения, наш край представляет собой весьма пеструю палитру. Русские занимают первое место по численности – 88,3%. На втором месте армяне – 5,5%. Украинцы, внесшие в свое время заметный вклад в развитие региона, занимают третье место – 1,6%. Их доля за последнее столетие резко сократилась вследствие ассимиляции, которая, надо признать, благодаря генетическому родству русских и украинцев проходила в крае безболезненно. Весьма малочисленна категория людей, относящих себя к казачеству, – 0,1%, что делает правомерным рассматривать современные кубанские говоры как диалект восточнославянского населения края.

В этой связи представляется важным специально оговорить вопрос, касающийся критериев выбора информантов. Особое предпочтение мы, безусловно, отдавали членам потомственных казачьих семей, а также семьям иногородних, постоянно или длительный период времени проживающих на Кубани, т. к. замечено, что у таких информантов диалектные черты проявляют максимальную устойчивость. Семья действительно является наиболее сохранной сферой функционирования диалекта. Работа с местными жителями подтверждает и тот факт, что территориальная локализация – это лишь одна из характерных черт современного диалекта, который одновременно является и социально ограниченной разновидностью национального языка. Именно социальная неоднородность диалектоносителей определяет гетерогенный характер говоров. Многочисленные исследования свидетельствуют о все большем сужении круга носителей чистого диалекта и о появлении смешанных форм диалектной речи – *полудиалекта* [1; 7; 13], *региолекта* [4]. При отборе информантов мы, естественно, учитывали сложность современной языковой ситуации в кубанских станицах и селах и принимали во внимание такие важные критерии, как уровень образования, профессия, возраст и, главное, степень владения диалектом.

Между тем, на наш взгляд, использование информантом диалекта как единственного средства общения не является строго обязательным. Многие коренные жители края владеют диалектно-литературным двуязычием. Подчеркнем, что на Кубани это относится к лицам, проживающим в населенных пунктах,

где изначально складывался говор с украинской языковой основой, поскольку говорить о переключении кода, на наш взгляд, правомерно лишь тогда, когда между диалектом и литературным языком обнаруживается осязаемое различие, чего не наблюдается в случае с местными говорами, имеющими южнорусскую языковую основу, близость которых с русским литературным языком очевидна. Считаем, что в качестве информантов правомерно привлекать и «пассивных» носителей диалекта (назовем их *ретроспективными*): сами они не являются диалектоносителями, но хорошо помнят диалектную лексику, употреблявшуюся их близкими.

Учитывая некоторую условность обязательных критериев, которым информанту необходимо соответствовать, сведем их к двум основным: информант должен быть 1) уроженцем изучаемой территории или проживать на ней большую часть своей жизни, не покидая ее на длительное время; 2) не владеть или владеть в слабой степени разговорной литературной речью, либо обладать диалектно-литературным двуязычием, либо быть пассивным, ретроспективным хранителем диалекта. Такой подход к отбору информантов, как нам кажется, позволяет в современных условиях нивелирования говоров активизировать работу по сбору материала и зафиксировать максимальное количество диалектных слов, в том числе уходящих в пассивный запас, проследить степень сохранности диалектных черт в речи диалектоносителей различных категорий, проанализировать языковую преемственность старшего и младшего поколений жителей Кубани.

Итак, экстралингвистическая база изучения современных кубанских говоров складывается из ряда параметров, к которым относятся географическое положение края, история его заселения и административно-территориальное деление, уровень урбанизации, национальный состав и особенности этнического самосознания носителей диалекта, их отношение к говору, традиционно-бытовая культура, а также социологические характеристики информантов. В силу действия философских законов устойчивости и изменчивости процесс формирования экстралингвистической базы не является окончательно завершенным, поскольку в обязательной составляющей диалектологического исследования учитываются как постоянные сведения, так и переменные, находящиеся в состоянии динамического развития и требующие постоянного

пополнения новыми данными. Оптимизацию научно-исследовательской работы обеспечивают последовательный сбор и описание диалектного материала по лингвогеографическим зонам, выделенным на территории распространения кубанского диалекта.

Литература

1. Баранникова Л.И. Русские народные говоры в советский период. Саратов, 1967.
2. Бондарь Н.И. Что мы знаем друг о друге? Этнографические очерки о народах Кубани // Кубанский краевед. Ежегодник. Краснодар, 1990. С. 133–147.
3. Бондарь Н.И., Жиганова С.А. Фольклор и этнография кубанского казачества : учеб. пособие. Краснодар, 2009.
4. Герд А.С. Диалект – региолект – просторечие // Русский язык в его функционировании : тез. докл. Междунар. конф. (III Шмелевские чтения). М., 1998.
5. Казачьи вести. 1993. № 8.
6. Калнынь Л.Э., Клепикова Г.П. Вопросы диалектологии на XIII Международном съезде славистов // Вопр. языкознания. 2004. № 2. С. 213–215.
7. Коготкова Т.С. Литературный язык и диалекты // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970. С. 104–152.
8. Краснодарский край в цифрах. 2011: стат. сб. / Краснодарстат. Краснодар, 2012.
9. Лексический атлас русских народных говоров. Проект / отв. ред. И.А. Попов. СПб., 1994.
10. Матвеев О.В. Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX века): категории воинской ментальности. Краснодар, 2005.
11. Ратушняк В.Н. Основные теории происхождения казачества // В споре рождается истина: сб. историограф. ст. и рецензий. Краснодар, 2012. С. 107–110.
12. Российский статистический ежегодник. М., 1996.
13. Соколова А.Н. Изменение территориального диалекта под влиянием социальных факторов // Очерки по социолингвистике / отв. ред. В.П. Тимофеев. Шадринск, 1971.
14. Тверитинов И.А. Казаки-некрасовцы на Кубани и в Черноморье // Другие времена : межвуз. сб. к 70-летию со дня рожд. проф. В.Е. Щетнева. Краснодар, 2004. С. 14–23.
15. Шкуратов В.В. В поисках Юга // Междунар. жизнь. 1992. № 3–4.

* * *

1. Barannikova L.I. Russkie narodnye govoryi v sovetskiy period. Saratov, 1967.
2. Bondar N.I. Chto myi znaem drug o druge? Etnograficheskie ocherki o narodah Kubani // Kubanskiy kraeved. Ezhegodnik. Krasnodar, 1990. S. 133–147.

3. Bondar N.I., Zhiganova S.A. Folklor i etnografiya kubanskogo kazachestva : ucheb. posobie. Krasnodar, 2009.

4. Gerd A.S. Dialekt – regiolekt – prostorechie // Russkiy yazyk v ego funktsionirovaniy : tez. dokl. Mezhdunar. konf. (III Shmelevskie chteniya). M., 1998.

5. Kazachi vesti. 1993. # 8.

6. Kalnyin L.E., Klepikova G.P. Voprosy dialektologii na VIII Mezhdunarodnom s'ezde slavistov // Vopr. yazykoznaniiya. 2004. № 2. S. 213–215.

7. Kogotkova T.S. Literaturnyy yazyk i dialekti // Aktualnyye problemy kulturyi rechi. M., 1970. S. 104–152.

8. Krasnodarskiy kray v tsifrah. 2011: stat. sb. / Krasnodarstat. Krasnodar, 2012.

9. Leksicheskiy atlas russkih narodnyih govorov. Proekt / otv. red. I.A. Popov. SPb., 1994.

10. Matveev O.V. Istoricheskaya kartina mira kubanskogo kazachestva (konets XVIII – nachalo XX veka): kategorii voinskoy mentalnosti. Krasnodar, 2005.

11. Ratushnyak V.N. Osnovnyie teorii proishozhdeniya kazachestva // V spore rozhdaetsya istina: sb. istoriograf. st. i retsenziy. Krasnodar, 2012. S. 107–110.

12. Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. M., 1996.

13. Sokolova A.N. Izmenenie territorialnogo dialekta pod vliyaniem sotsialnyih faktorov // Ocherki po sotsiolingvistike / otv. red. V.P. Timofeev. Shadrinsk, 1971.

14. Tveritinov I.A. Kazaki-nekrasovtsy na Kubani i v Chernomorie // Drugie vremena : mezhdunar. sb. k 70-letiyu so dnya rozhd. prof. V.E. SchetnYova. Krasnodar, 2004. S. 14–23.

15. Shkuratov V.V. V poiskah Yuga // Mezhdunar. zhizn. 1992. № 3–4.

О.В. ВРУБЛЕВСКАЯ
(Волгоград)

НАЗВАНИЯ ТОРЖЕСТВЕННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ МОДЫ

На примере названий фестивалей, конкурсов, выставок и т.д. анализируются тенденции создания периферийных ономастических единиц с точки зрения языковой моды.

Ключевые слова: геортоним, рекламное имя, языковая мода, языковая игра, заимствование, аббревиация.

Мода проникает в самые различные сферы человеческой деятельности, отражаясь во внешности человека (одежде, причёске и т.п.) и среде его обитания, а также в искусстве, архитектуре, художественной литературе, речевом поведении и т.д. В словаре русского языка мода определяется как «господство в определенной общественной среде в определенное время тех или иных вкусов, проявляющихся во внешних формах быта, в особенности в одежде» [8, с. 285]. Таким образом, под модой в обыденном понимании подразумевается господство каких-либо внешних атрибутов.

В социологии мода рассматривается как особая социальная ценность. Т.Б. Любимова указывает, что «мода – это специфическая ценность, готовая тут же превратиться в свою противоположность, в то, чем можно и нужно пренебречь. <...> В ценности “модность” не случайно слышится порицающий оттенок одновременно с одобрительным; он не обозначает какой-то действительный порок, но, скорее, своеобразную готовность к самоустранению при одновременном утверждении “модного” как носителя ценности» [5, с. 68–69].

Это свойство моды прослеживается и в языке. Понятие языковой моды рассматривается в работе В.Г. Костомарова как «меняющееся представление о правильном и эффективном использовании языка, доводимое порой до абсурда... иными словами, крайнее проявление вкуса, более индивидуальное, быстро проходящее, бросающееся в глаза и обычно вызывающее раздражение у старшей и консервативной части общества» [3, с. 34]. При этом автор указывает, что о появлении той или иной модной тенденции можно судить по возраже-

Extra linguistic foundation of the modern Kuban dialects study: steadiness and changeability of the basic parameters

There are considered the basic parameters of formation of the extra linguistic foundations of the modern Kuban dialects study. There is substantiated the necessity of linguistic and geographical zoning of the territory of the Kuban dialect spreading with the aim to optimize the research.

Key words: *the Kuban dialect, linguistic and geographical zone, extra linguistic foundations of the dialects study, criteria of informants selection.*

(Статья поступила в редакцию 12.05.2014)